

Б.С. Карпов

Эволюционный путь развития как доминанта мировоззрения английских мыслителей Нового времени (XVII–XIX вв.)

Автор на основе критического анализа различных концепций, выдвигаемых британскими мыслителями XVII–XIX вв. – Дж. Лильберном, Дж. Уинстенли, У. Пенном, У. Годвином, а также идеологами чартистского движения – обосновывает тезис об эволюционном пути развития общества как неотъемлемой части мировоззрения английских мыслителей вне зависимости от их социального статуса, отношения к религии, государственным институтам и текущему состоянию общества и государства. Исследование позволяет сделать вывод о том, что даже наиболее радикальные, стремящиеся к коренным общественным изменениям английские интеллектуалы в своих трудах неизменно придерживались идеи развития общества исключительно эволюционным путем, т.е., прежде всего, изменение общества без кровопролития, а также опора при проведении реформ на коренные тенденции исторического развития английского общества, устойчивые национальные и правовые традиции.

Ключевые слова: интеллектуальная история, английская общественная мысль в Новое время, эволюционный путь развития, Джон Лильберн, Джерард Уинстенли, Уильям Пенн, Уильям Годвин, чартизм

В. Карпов

Evolutionary way of development of society as the dominant of worldview of the English thinkers of modern history (XVII–XIX centuries)

This article is devoted to the consideration of the peculiarities of the worldview of English thinkers in the period of the formation and development of capitalist relations in modern history. The author uses a critical analysis of various concepts

created by British intellectuals of the XVII–XIX centuries – John Lilburn, Gerard Winstanley, William Penn, William Godwin, leaders of the chartist movement – and substantiates the thesis of the evolutionary way of development of society as an essential part of the worldview of English thinkers, regardless of their social status, attitude to religion or government institutions and the current state of English society and polity. The source base of the research allows us to conclude that even the most radical, aspiring to radical social changes English intellectuals in their works have always adhered to the idea of the development of society exclusively by evolutionary way. The evolutionary way implies, first of all, the desire to change society without bloodshed, as well as to support in the implementation of reforms on the fundamental trends of the historical development of the English society, sustainable national and legal traditions.

Key words: intellectual history, English social thought in modern history, the evolutionary way of social development, John Lilburn, Gerard Winstanley, William Penn, William Godwin, Chartism

В современном мире, где, по мнению большинства социологов и футурологов, например, Э. Гидденса, социальные трансформации «по своему масштабу и глубине... превосходят почти все типы социальных изменений, характерных для предыдущих эпох» [10, с. 115], дискуссия о путях развития общества в эпоху перемен становится как нельзя более актуальной.

Поиск исторических примеров развития социума в эпоху резкого изменения типов социально-экономических отношений и, следовательно, моделей поведения и коммуникации людей, неизменно приводит большинство ученых к изучению стран с ранним развитием капиталистических отношений в Новое время, к которым, прежде всего, относится Англия. Еще в середине XX в. знаменитый британский историк и экономист К. Поланьи посвятил анализу развития английской экономики и общества в период Нового времени обширное исследование под названием «Великая трансформация». Одним из основных выводов данной работы было то, что в Англии раньше, чем в каких-либо других странах, начинает формироваться новый тип экономических отношений, резко антагонистичных феодальному обществу Средних веков, – рыночная экономика, «основанная на принципе всеобщего эгоизма», «неестественном и пагубном для общественного развития» в эпоху средневековья, а потому и предопределившим крах данного типа экономической системы [40, р. 257–258].

На протяжении всего XX в. тема трансформации английского общества в период становления и развития капиталистических отношений в XVI–XVIII вв. оставалась актуальной как в отечественной, так

и в зарубежной историографии. Однако, несмотря на обилие научных исследований, практически до конца XX в. многие важные аспекты и тенденции общественного развития игнорировались исторической наукой. В первую очередь, малое внимание уделялось анализу влияния отдельных личностей на общественное развитие: человек рассматривался, прежде всего, как «продукт» общественных отношений, представитель определенного класса, интересы которого он, соответственно, и выражал. Кроме того, игнорировалась вариативность общественного развития в различных странах: становление капиталистических отношений рассматривалось преимущественно как революционный процесс – борьба формирующейся буржуазии за политическую власть. Большинство советских историков, а за рубежом – историками, придерживающимися левых взглядов, был взят на вооружение знаменитый тезис К. Маркса о революции как «локомотиве истории» [15, с. 115].

Таким образом, почти все работы, посвященные социально-экономическому и политическому развитию Англии в Новое время, были посвящены анализу либо экономических и социальных изменений и связанных с ними событий, либо различным общественным движениям, поддерживающим или же, напротив, борющихся с этими изменениями.

Примерами подобных исследований в отечественной историографии XX в. являются ранние работы М.А. Барга «Генезис идеологии истинных левеллеров» [4] и «Социальная утопия Уинстенли» [3], посвященные анализу движений левеллеров и диггеров как выразителей интересов народных низов в эпоху Английской революции середины XVII в.; труды С.И. Архангельского, анализирующие положение низов английского общества в XVI–XVII вв. и формирование у них классового сознания [1; 2]; исследования А.И. Володина и В.П. Волгина о феномене «утопического социализма» в Англии как предшественнике научного коммунизма [7; 8]; публикации Н.А. Ерофеева, раскрывающие взаимосвязь формирования идей английских мыслителей с развитием и становлением капиталистической формации в Англии [12].

Зарубежная историография по данной проблематике в XX в. была представлена, в основном, работами «Группы историков Коммунистической партии Великобритании», образованной в 1946 г. и ставившей своей основной задачей создание «народной истории Англии» [37, р. I]. Под «народной историей» представители данной группы подразумевали, прежде всего, анализ общественных движений народных низов Англии как носителей протосоциалистического сознания [Там же, р. III]. Среди историков данной группы, акцентировавших свое внимание на развитии общественных и религиозных движений XVII–XIX вв., следует назвать, прежде всего, А.Л. Мортон и К. Хилла [17; 18; 29].

С конца XX в. направленность исследований в этой области резко трансформируется, что связано, в первую очередь, с двумя важными факторами: с относительной деидеологизацией истории, связанной с распадом СССР и ослаблением позиций диалектического материализма в истории – от классовой трактовки исторического развития в данный период отходит большинство историков, особенно отечественных; со смещением акцента исторических исследований от анализа масштабных событийных процессов и явлений к выявлению роли и влияния человеческой личности на формирование и протекание этих процессов. И если первый фактор был следствием изменений скорее геополитических, затронувших, наряду с другими социальными институтами и областями знания, историческую науку, то смещение акцента научных исследований являлось следствием самого развития гуманитарного знания, а, точнее, двух его составляющих.

Во-первых, «когнитивной революции» в гуманитарных науках, начавшейся в середине XX в. с развития когнитивной психологии как «науки, изучающей то, как люди изучают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, хранится в его памяти и преобразуется в знания» [22, с. 21], а в конце XX в. распространившейся и на другие области гуманитарного знания, в т.ч. и на историческое знание. Этот процесс изучала философ и историк О.М. Медушевская, посвятившая свои работы определению места истории в среде «когнитивных» наук и обоснованию тезиса о том, что именно история является важнейшей когнитивной наукой, т.к. объектом ее исследований выступают не фрагменты человеческого сознания, но «весь человеческий род, от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве» [16, с. 8–9].

Во-вторых, немаловажную роль в становлении личности в истории и ее мировоззрения как одного из основных предметов исторического анализа сыграла и трансформация истории общественной мысли – переход от изучения истории идей как самовыражения и самоактуализации интеллектуального потенциала определенных классов и общественных групп к интеллектуальной истории, основной целью которой является «реконструкция исторического прошлого каждой из областей и форм знаний как части интеллектуальной системы» [24, с. 248]. Следовательно, в интеллектуальной истории в противовес истории идей на первое место в исследовании выходит не классовая сущность взглядов того или иного мыслителя, а сама его личность как творца конкретного интеллектуального продукта, в частности, и интеллектуальной системы общества – в целом. Одним из признанных лидеров данного направления исторической науки не только в масштабах нашей страны, но и в мировой науке в целом, является Л.П. Репина [24].

Еще с конца XX в. работы, посвященные развитию английской общественной мысли, начинают создаваться преимущественно в духе интеллектуальной истории. Первой из них, в какой-то мере предвосхитившей само развитие данного методологического направления в России, была работа М.А. Барга «Великая английская революция в портретах ее деятелей», в которой была предпринята попытка рассмотреть события той эпохи сквозь призму судеб и творчества английских интеллектуалов [5]. Среди современных ученых, работающих в русле когнитивной истории, следует назвать П.В. Рябова и А.В. Шубина, изучающих становление и развитие анархизма, в т.ч. и среди английских мыслителей [25; 33], А.В. Чудинова, анализирующего рефлексию английских мыслителей на события Французской революции конца XVIII в. [31], а также И.М. Эрлихсон, исследующей развитие и взаимодействие идеалов республиканизма и консерватизма в Англии XVII в. [34; 35].

Их трудами тема личности в истории как самодостаточного творца исторического продукта, а не только порождения времени и социально-экономических отношений, на современном этапе была актуализирована и получила широкое развитие. Однако наследие изучения английской общественной мысли только как отголоска борьбы крепнувшей революционной буржуазии с консерватизмом старой аристократии не было полностью устранено. Конечно, в работах исследователей конца XX – начала XXI вв. мировоззрение англичан уже не характеризуется как исключительно классовое, однако при этом место доминанты мировоззрения английских мыслителей, по сути, остается «пустующим».

В связи с этим цель нашего исследования – показать на примерах анализа работ конкретных английских мыслителей XVII–XIX вв., что основой их мировоззрения была идея эволюционного пути как основы развития и трансформации общественных и политических отношений.

Для большей репрезентативности исследования при формировании источниковой базы мы специально отбирали произведения тех мыслителей, которые долгое время, особенно в отечественной историографии, считались «носителями» революционного потенциала общества либо оценивались историками как радикалы и прогрессисты. В соответствии с этим, мы будем опираться на труды одного из лидеров левеллеров – Дж. Лильберна, диггеров – Дж. Уинстели, квакеров – У. Пенна, радикалов – У. Годвина, а также на национальные петиции и документы Национального конвента чартистского движения.

Движение левеллеров, бесспорно, являлось самым массовым демократическим движением Английской революции середины XVII в. Большая часть нижних чинов парламентской армии поддерживали идеи Лильберна и его сторонников [5, с. 252–253]. Левеллеры выступали

за предоставление широких политических и экономических прав всему населению Англии, за углубление реформаторской деятельности правительства после казни короля Карла I Стюарта в 1649 г. Они добились расширения избирательного права – «в выборах должны иметь свой голос, согласно естественному праву, все люди в возрасте 21 года и выше» [14, с. 109]; подотчетности всех должностных лиц народным представителям в парламенте – «все должностные лица должны быть подотчетны парламенту, и не может быть места никакой клике» [Там же, с. 110]; ежегодных перевыборов парламента, а также постоянной сменяемости его членов – «ни один член настоящего парламента не может быть избран в члены последующего» [Там же]. Все эти требования носили, безусловно, прогрессивный и радикальный характер, некоторые из них, например, всеобщее избирательное право, станут насущной повесткой дня в английской политике только спустя почти два столетия. И, хотя в историографии XX в. левеллеров и критиковали за «мелкобуржуазный характер» их движения, подавляющее большинство историков признавало прогрессивность их требований. Дж. Лильберн и его сторонники были противниками отмены частной собственности, что, по сути, и привело к расколу между диггерами и левеллерами после прений в Пэтни в 1647 г., на которых диггеры выступили с критикой всей системы товарно-денежных отношений и частной собственности. Но все же большинство исследователей неизменно подчеркивали революционность и прогрессивность этого движения [4, с. 180–182]. Во-первых, вследствие того, что, говоря словами А.Л. Мортон, «возникновение вопроса о демократии ведет в конечном итоге к развитию социалистических идей» и, следовательно, в конечном итоге, к социалистической революции [19, с. 40]. Во-вторых, из-за открытой попытки захвата левеллерами власти в мае 1649 г.

Однако, на наш взгляд, нет никаких оснований считать левеллеров революционерами. Восстание мая 1649 г. было ничем иным, как всплеском народного гнева, своеобразным народным бунтом, но никак не подготовленным революционным шагом. Акцентируя внимание на массовости восстания, многие историки игнорировали условия его возникновения. Прежде всего, следует заметить, что к началу мятежа практически все лидеры левеллеров, в т.ч. Лильберн, находились в заключении, антиправительственные выступления происходили спонтанно, перекидываясь от одной части армии к другой, не имея, по сути, общей цели и лидера [5, с. 308–309, 313–315]. Кроме того, восстание не было подготовленной акцией по свержению власти, оно носило характер ответных действий народных низов на конкретные «раздражители» – нежелание рядовых солдат отправляться в Ирландию и казнь

одного из левеллеров (Роберта Лекиера) за отказ полка, в котором он служил, выполнить приказ генерала Томаса Ферфакса о передислокации [5, с. 313]. Таким образом, мы видим, что восстание 1649 г. носило стихийный характер, не имело четкой цели, лидеров и идеологических ориентиров, а потому не может характеризоваться как попытка социальной революции. Отдельно следует отметить и тот факт, что Оливеру Кромвелю, благодаря умелым действиям (от открытых репрессий и арестов наиболее радикально настроенных левеллеров до выплаты солдатам задержанного жалования и повышения в званиях некоторых из них), удалось частично лишить левеллеров их социальной опоры и снизить уровень народного недовольства [20, с. 213–220]. Это еще раз свидетельствует о стихийности «левеллерского мятежа», о неготовности его участников бороться с властями до конца.

Теперь обратимся к самим произведениям Дж. Лильберна – его многочисленным памфлетам. Позиционируя ту или иную историческую фигуру как революционера или политического радикала, мы должны обнаружить в его работах либо призывы к насильственному свержению власти – к революции, либо хотя бы к коренному переустройству общества путем быстрых и решительных перемен. Но ни той, ни другой отличительной черты в памфлетах Лильберна нет, напротив, основными тезисами его произведений является подчеркнутое уважение к английскому праву и традициям, а также идея приверженности к изменению общества путем реформ.

Наиболее ярко названные черты отражены в таких произведениях Лильберна, как «Открытое письмо... тюремщикам Флитской тюрьмы» и «Соглашение свободного народа Англии». Первый из названных трудов посвящен описанию издевательств, унижений и несправедливостей тюремщиков по отношению к арестованным. Однако после перечисления ужасов тюрьмы он не угрожает им наказанием. Напротив, в конце произведения он апеллирует к английскому праву, к свободам и правам английских граждан, к силе парламента как органа народного представительства и народной защиты и говорит о неминуемом возмездии своим мучителям силой закона: «Я составил полный перечень ваших подлых дел, чтобы можно было возбудить против вас в высшем суде Англии дело», – читаем мы в памфлете [13, с. 30].

Еще более явно склонность Лильберна к преобразованию общества ненасильственным путем мы найдем в главном программном документе левеллеров – «Соглашении свободного народа Англии». Основная часть документа, конечно, была посвящена программе реформ, однако обратим внимание на его полное заглавие, которое игнорировалось большинством историков. Оно звучит следующим образом:

«Соглашение свободного народа Англии, предложенное в качестве мирного средства несчастной нации подполковником Джоном Лильберном...». Далее идет еще более «говорящий» эпиграф: «Блаженны миротворцы, ибо они сынами божьими нарекутся. Еванг[елие от] Мат[фея]. 5, 9» [14, с. 107]. Как видим, и в главном программном документе левеллеров подчеркивается их приверженность мирному эволюционному развитию общества.

Подобное стремление мы найдем и у Дж. Уинстенли – лидера диггеров. Основная идея, резко отличавшая диггеров от левеллеров, – это идея всеобщего имущественного равенства и отмены частной собственности, хотя стоит отметить, что некоторые отечественные и зарубежные ученые считали диггеров и левеллеров просто разными частями общего движения [30, с. 95]. Большинство отечественных историков отмечали у диггеров, прежде всего, революционный потенциал и направленность на решительное изменение общественного строя. Имя Уинстенли (Уинстлей) было выгравировано на «Памятнике-обелиске выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся», установленном в 1918 г. (разобран в 2013 г.) в Александровском саду около московского Кремля. Некоторые ученые, например, английский историк Г. Холореншоу, заявляли о намерении Уинстенли совершить «революционный рывок» и называли его «пионером концепции понимания истории как истории борьбы классов и одним из первых, кто заглянул вперед, в республику бесклассового общества» [Там же, с. 29].

Однако, как и в случае с Лильберном, акцентируя внимание на идее о всеобщем равенстве и необходимости обобществления земельной собственности («земли как общей сокровищницы» [27, с. 54]), которая действительно присутствовала в трудах Уинстенли, многими учеными игнорировался сам характер движения диггеров и предлагаемые ими методы осуществления высказанных идей.

Диггеры были убежденными пацифистами, физическое насилие для них было неприемлемо в принципе. На практике это проявлялось в полном смирении диггеров даже во время разрушения их поселений в 1649 г. лендлордами: «И видя, что Парстон Платт (лорд этого манора) не позволил диггерам иметь свой дом... несмотря на это, диггеры были очень бодры и их дух склонился ждать божьей воли, чтобы увидеть, что он (Бог. – *Б.К.*) сделает...» [28, с. 166]. Не было в трудах Уинстели и призывов к слому существующего общественного строя. Да, как уже отмечалось, идеи его были довольно радикальны, но вот воплощение их в жизнь должно было происходить посредством законодательного утверждения, т.е. путем реформ, что является базовой характеристикой для эволюционного пути развития. Эта особенность хорошо видна

в начале главного и наиболее полного сочинения Уинстенли «Закон свободы», являвшегося одновременно и описанием идеального общественного строя, и программой реформ. Сочинение это было адресовано отнюдь не английскому народу, не сторонникам самого Уинстенли, а «его превосходительству Оливеру Кромвелю, генералу республиканской армии», которому в 1652 г. уже, по сути, принадлежала вся полнота власти в государстве [26, с. 180]. В нем лидер диггеров не призывал к революции, не требовал, а «смирненно просил» Кромвеля «обеспечить искоренение власти угнетателя вместе с ним и озаботиться тем, чтобы свободное владение землей и пользование свободами было закреплено за угнетенным простым народом Англии» [Там же, с. 181]. С нашей точки зрения, главное произведение Уинстели является, в первую очередь, проектом социальных реформ, предложенным на рассмотрение и утверждение властям, что отражает стремление диггеров добиться общественных перемен без кровопролития, общими, согласованными с властью и ею поддерживаемыми, а лучше и возглавляемыми, действиями.

Примечательно, что попытки воздействия диггеров на власть, по сути, ограничиваются только изданием «Закона свободы», обращенного к Кромвелю. Создание своих колоний на пустующих землях они рассматривали исключительно как восстановление «божественной справедливости», а не как «антиправительственный акт», какого-либо сопротивления властям они не оказывали, а после разгрома своих поселений и «игнорирования» Кромвелем «Закона свободы» постепенно прекратили свою деятельность, вернувшись к обычной жизни или став членами различных религиозных сект. Так, к примеру, Уинстенли провел последние годы своей жизни в квакерской общине [5, с. 391]. Данный факт, наряду с постоянной опорой Уинстенли в своих памфлетах на Священное писание и аргументацию выдвигаемых идей, прежде всего, «божественной волей» и «божественной, изначальной справедливостью», свидетельствует не только об уже упомянутом пацифизме и крайней религиозности диггеров, но также и об их малой заинтересованности в изменении общества в целом, склонности к общинной замкнутости, к стремлению создать «справедливое общество» в рамках небольшой общины, что, в конечном итоге, предопределило вхождение большинства диггеров в квакерские секты.

Придерживался идеи постепенного эволюционного пути развития общества и другой английский мыслитель XVII в., также переживший революцию, но не являвшейся ее участником в силу юного возраста, видный представитель религиозного движения квакеров, основатель колонии Пенсильвания в Северной Америке, знаменитый философ, экономист и общественный деятель У. Пенн.

Основной идеей Пенна, как, впрочем, и любого квакера, было достижение всеобщего мира и гармонии. Именно он одним из первых предложил создание международного органа коллективной безопасности – «Конгресса, Парламента или Палаты государств», членами которого были бы представители всех европейских государств, а главной целью – поддержание мира и обсуждение важнейших международных проблем [38, р. 406]. Однако в рамках нашего исследования важно отметить другой аспект его интеллектуального творчества. Для Пенна, в отличие от других представителей квакерского движения, всеобщий мир был, во-первых, не самоцелью и, во-вторых, не создавался «сам по себе» в силу доброты человеческой души.

Основанием для создания прочного общеевропейского мира в понимании Пенна служили правовые традиции, базировавшиеся, с одной стороны, на естественном стремлении народов к справедливости, с другой – на силе государственного аппарата. «Создаваемый мир поддерживается правом, являющимся результатом деятельности правительства...», – писал Пенн в своем трактате «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе» [Там же, р. 404]. Сам же мир, созданный благодаря европейскому праву, служил основой прекращения войн и всеобщей демилитаризации, что, в свою очередь, должно было послужить стимулом к экономическому и культурному развитию стран Европы: «Мир сохраняет наши владения <...> Развивается промышленность, что ведет к преумножению богатств, дает средства для благотворительности, являющейся украшением любого королевства или республики» [Там же, р. 402]. Сочинение Пенна «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе», таким образом, является не только одним из наиболее проработанных проектов устройства европейского миропорядка, созданных в период Нового времени, но и еще раз подчеркивает глубоко укоренившуюся в сознании английских мыслителей идею о невозможности создания стабильного государства или прочного мира без опоры на традиции, в данном случае – правовые.

Более того, в другом своем знаменитом творении – «Системе управления Пенсильванией» (1682 г.) – английский мыслитель подчеркивал необходимость нравственной чистоты людей для создания справедливого общества и государства: «Правительство в большей степени зависит от людей, чем люди от правительства. Если люди будут добры и чисты, то создание плохого правительства невозможно. Однако верно и обратное – плохие люди никогда не создадут справедливого правительства» [39]. Под «нравственной чистотой» Пенн, естественно, подразумевал, прежде всего, искреннюю веру в Бога, пацифизм, уважительное отношение к своим собратьям по вере и недопущение неравенства и угнетения человека человеком.

Такое же стремление к постепенному развитию общества с опорой на право, государство, традиции или развитие человеческого разума, хоть и выраженные в иных идеях, мы найдем и у британских мыслителей XVIII–XIX вв.: радикала (анархиста) У. Годвина и представителей чартистского движения (У. Ловетта, Ф.Э. О’Коннора и др.).

Идеи, выдвигаемые данными мыслителями, их мировоззрение, на первый взгляд, разительно отличались от всех, рассмотренных нами выше.

Годвин был рожден в семье членов одной из радикальных протестантских сект и даже какое-то время служил сельским священником, издав сборник под названием «Исторические эскизы в шести проповедях». Но довольно быстро под влиянием трудов французских просветителей: П. Гольбаха, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье и др., – изменил отношение к религии и в более поздних произведениях выступал с резкой критикой церкви как механизма манипуляции народом, затуманивающего его разум [6, с. 17–19]. Годвин скептически относился и к регулированию общества с помощью органов государственного управления, считая, что именно государство является основой существования несправедливого общественного строя, главными элементами которого являются товарно-денежные отношения и частная собственность, противоречащие человеческой сущности, стремящейся к равенству [11, с. 57–58]. Его критическое отношение к институту государства позволило большинству исследователей характеризовать Годвина как политического радикала и одного из основателей идеологии анархизма [21; 25, с. 9–10]. Хотя следует отметить, что сам мыслитель ни в одном из своих трактатов не позиционировал себя как анархиста, да и вообще не употреблял этого термина.

Однако, несмотря на то, что подобные идеи действительно содержатся в работах Годвина, и этот мыслитель также придерживался магистральной идеи английской общественной мысли Нового времени о необходимости развития общества эволюционным путем. Для доказательства тезиса обратимся к главному трактату Годвина – «О собственности» (1-я публикация – 1793 г.).

Основной концепцией, отстаиваемой автором, является идея о необходимости ликвидации частной собственности как главного порока человеческой природы и общества, а также замена механизмов государственного регулирования на сообщество самоуправляющихся общин [11, с. 211–213]. Действительно, на первый взгляд подобные идеи можно охарактеризовать как крайне радикальные и революционные, но если мы обратимся к тому, как Годвин подходил к вопросу об их осуществлении, то увидим типичную для английских мыслителей идею постепенности в общественном развитии. Прежде всего, следует отметить негативное

отношение Годвина к революционному насилию. Конечно, он, в отличие от Пенна и Уинстенли, не был абсолютным пацифистом и допускал применение силы в «крайних случаях», но при этом открыто заявлял: «Мне нет никакого дела до мятежников и интриганов, но я хочу просто распространять истину и намерен ждать, пока спокойно утвердится вера в нее» [11, с. 156–157]. Ни о каком революционном рывке и свержении власти в концепции Годвина не могло идти и речи, ликвидацию частной собственности и государства он рассматривал как естественное отмирание этих социальных институтов в силу утраты ими важных общественно-политических функций. И, подобно всем остальным упомянутым в статье английским мыслителям, Годвин рассуждал на актуальные темы исключительно в контексте мирного естественно-исторического эволюционного развития: «В истории Европы, – писал он, – от времени варварства до утонченной цивилизации нетрудно отметить тенденцию к уравниванию собственности...» [Там же, с. 166].

Лидеры движения чартистов, выступавшие за проведение масштабной избирательной реформы в Англии в 1830–1840-х гг., также поддерживали идею эволюционного и планомерного развития общества. Основу этого движения составляли рабочие, а росло оно одновременно с распространением идей К. Маркса и Ф. Энгельса о пролетарской революции как неизбежном итоге развития капиталистического общества. Некоторые чартисты (из наиболее значимых фигур назовем Дж. Гарни и Э. Джонса) были даже лично знакомы с Марксом [9, с. 9–11]. Данные обстоятельства подталкивали левых историков к оценке чартизма как первого революционного рабочего движения, а время деятельности чартистов они называли историческим моментом, когда «впервые английский рабочий класс поднялся на борьбу за свое освобождение» [Там же, с. 3].

Но, несмотря на участие в чартистском движении большого количества рабочих, ни о какой революционности этого движения, с нашей точки зрения, не может идти и речи. Это доказывают, в первую очередь, документы, созданные самими лидерами чартистов – «Шесть пунктов народной хартии» (1838 г.) и «Резолюция национального конвента по вопросу о тактике от 6 апреля 1848 года». Первый из них является программным документом. Из него видно, что все требования чартистов: равное представительство в парламенте различных округов, всеобщее избирательное право, отмена имущественного ценза, ежегодные перевыборы парламента, тайное голосование и введение денежного вознаграждения депутатам, – во-первых, носили чисто политический характер, во-вторых, предлагались к принятию английским парламентом в виде реформы и, наконец, в-третьих, не затрагивали основ политической, правовой и экономической систем Англии, являясь лишь

«улучшениями» общественного порядка [32, с. 8–9]. Второй документ, изданный непосредственно перед третьей, и последней, подачей чартистами петиции в парламент с прошением о проведении масштабной реформы избирательной системы, показывает, что даже в крайнем случае – при очередном отклонении требований чартистов парламентом – члены движения не готовы были к мерам насильственного характера и придерживались тактики деятельности с помощью законных методов. В частности, крайней мерой чартистов в случае неудачи была подготовка «национального мемориала королеве о роспуске настоящего парламента и о созыве таких министров, которые бы сделали Народную хартию главной задачей кабинета» [23, с. 14].

Конечно, нельзя обойти вниманием тот факт, что среди участников чартистского движения были сторонники открытого антиправительственного мятежа, наиболее известным из которых был священник Дж. Р. Стивенс, прославившийся, во многом, благодаря своим пламенным призывам к открытому противоборству с правительством: «Прежде чем вы будете окончательно ограблены, возьмитесь за оружие <...>. Если власти не хотят слышать наших требований, они получают революцию, которой столь страшатся. Мы уничтожим все их порочные законы и установления...» [36, р. 57]. Но идеи и Стивенса, и других сторонников открытого неповиновения властям не обрели популярности у рядовых участников движения. Это еще раз подтверждает мирный характер борьбы чартистов, не склонных менять свои взгляды даже под воздействием умелых ораторов и пропагандистов.

Таким образом, на основе проведенного анализа основных концепций английских мыслителей Нового времени мы видим, что доминирующей основой их мировоззрения была приверженность эволюционному пути развития общества, выражавшаяся в таких общих идеях, как постепенность общественного развития, отрицание массового насилия ради трансформации общественного строя, опора на традиции или опыт исторического и правового развития страны. При этом данная доминанта мировоззрения прослеживалась у всех рассмотренных мыслителей вне зависимости от их социального или имущественного положения, отношения к религии и существующему государственному строю.

Бесспорно, что формирование указанной доминанты было индивидуально у каждого из мыслителей. Однако даже краткий обзор позволяет выявить некоторые факторы, в наибольшей степени повлиявшие на пацифизм английских интеллектуалов. Прежде всего, это их изначальная религиозность, причем религиозность не «воинственная», как, например, у иезуитов, а «миролюбивая», в духе раннего христианства. Большинство названных нами мыслителей были либо религиозными

людьми (Дж. Уинстенли, У. Пенн), либо получали религиозное воспитание и образование в детстве, хоть затем и отказались от религиозного служения (У. Годвин). Вся система английского образования была ориентирована, с одной стороны, на серьезное религиозное обучение, а с другой – на изучение права и юриспруденции как наиболее престижных и востребованных профессий. Так, например, У. Пенн увлекся вопросами веры и познакомился с идеями квакеров во время обучения в Оксфорде, У. Годвин обучался в диссентерском колледже, один из лидеров чартистов Ф. О’Коннор изучал право и готовился стать адвокатом.

Будучи именно таким образом подготовлены к творческой деятельности, английские интеллектуалы проявляли себя как традиционалисты. При всем стремлении к реформированию государства и общества, они полагали, что проводить изменения нужно, во-первых, основываясь на уже имеющемся опыте законодательства (и Дж. Лильберн, и чартисты, и, отчасти, У. Пенн апеллировали к английской и общемировой правовой практике), во-вторых, учитывая религиозный настрой большинства англичан, верящих, что любые перемены являются не созданием чего-либо нового, а восстановлением попорченной угнетателями «божественной справедливости» (идея «изначальной» или «божественной» справедливости четко прослеживается в трудах Дж. Уинстенли, У. Пенна, У. Годвина, хотя в трудах последнего «божественную» справедливость заменила справедливость «общечеловеческая»).

Библиографический список

1. Архангельский С.И. Положение и борьба народных масс Англии в 60-е годы XVII века // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 129–141.
2. Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40-х – 50-х годах XVII века. М., 1960.
3. Барг М.А. Социальная утопия Уинстенли // История социалистических учений: Сб. ст. М., 1962. С. 58–88.
4. Барг М.А. Генезис идеологии истинных левеллеров // История социалистических учений: Сб. ст. памяти акад. В.П. Волгина. М., 1964. С. 149–198.
5. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.
6. Волгин В.П. Социальные идеи В. Годвина // Годвин В. О собственности. М., 1958. С. 5–57.
7. Волгин В.П. Наследие утопического социализма // История социалистических учений: Сб. ст. М., 1962. С. 7–33.
8. Володин А.И. О понятии «утопический социализм» // История общественной мысли. Современные проблемы. М., 1972. С. 453–474.
9. Галкин В.В. Идеи социализма в чартистском движении // История социалистических учений. М., 1985. С. 3–28.

10. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
11. Годвин В. О собственности. М., 1958.
12. Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии. М., 1963.
13. Лильберн Дж. Открытое письмо Дж. Лильберна тюремщикам Флитской тюрьмы // Лильберн Дж. Pamфлеты. М., 1937. С. 24–34.
14. Лильберн Дж. Соглашение свободного народа Англии // Лильберн Дж. Pamфлеты. М., 1937. С. 107–120.
15. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 годов. Женева, 1903.
16. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
17. Мортон А.Л. История Англии. М., 1950.
18. Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956.
19. Мортон А.Л. Возникновение социалистической мысли в Англии // История социалистических учений: Сб. ст. М., 1962. С. 34–57.
20. Павлова Т.А. Кромвель. М., 1980.
21. Рамус П. Вильям Годвин как теоретик коммунистического анархизма. М., 1925.
22. Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб., 2010.
23. Резолюция Национального конвента по вопросу о тактике 6 апреля 1848 г. // Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. В 2 кн. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2010. Кн. 2. С. 14.
24. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
25. Рябов П.В. Проблема личности в философии классического анархизма. Дис. ... канд. филос. наук. М., 1996.
26. Уинстенли Дж. Закон свободы // Уинстенли Дж. Избранные памфлеты. М.-Л., 1950. С. 179–363.
27. Уинстенли Дж. Знамя, поднятое истинными левеллерами // Избранные памфлеты. М.-Л., 1950. С. 47–83.
28. Уинстенли Дж. Новогодний подарок парламенту и армии // Избранные памфлеты. М.-Л., 1950. С. 135–179.
29. Хилл К. Пуританизм и революция: исследование английской революции XVII века. М., 1958.
30. Холореншоу Г. Левеллеры и английская революция. М., 1947.
31. Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996.
32. Шесть пунктов народной хартии // Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. В 2 кн. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2010. Кн. 2. С. 8–9.
33. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007.
34. Эрлихсон И.М. Английская общественная мысль второй половины XVII века. М., 2007.
35. Эрлихсон И.М. В поисках идеала. Из истории английской утопической мысли второй половины XVII – начала XVIII веков. Рязань – М., 2008.
36. Gammage R. G. History of the chartist movement. L., 1894.
37. Morris J., Hobsbawn E.J. Introduction. *Past & Present*. 1952. Vol. 1. Issue 1. February. Pp. I–IV.
38. Penn W. An essay towards the Present and Future Peace of Europe. *The political writings of William Penn*. Indianapolis, 2002. Pp. 401–421.

39. Penn W. Frame of Government of Pennsylvania. May 5, 1682. URL: http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp (дата обращения: 02.01.2019).
40. Polanyi K. The great transformation: The political and economic origins of our time. Boston, 2001.

Сведения об авторе / About the author

Карпов Борис Сергеевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Boris S. Karpov – post-graduate student of the Department of Modern and Contemporary History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: carpov.b@yandex.ru